

*Ответ академику Валерию Тишкову
по поводу статьи «Демографические “голодоморы”»
(Гендерные исследования, № 18, 2008)*

Людмила Малес

Обсуждаются ли предыдущие публикации в журнале *Гендерные исследования* не только в виде диссensusного диалога, но и в виде полемики? Считаю, что это и возможно, и нужно!

Во всяком случае, не могу удержаться, чтобы не предложить вниманию читателей свои рассуждения по прочтению статьи Валерия Тишкова «Демографические «голодоморы»» (*ГИ*, №18 за 2008 год). Как мне кажется, данная статья, наряду с некоторыми другими (например, следующими вслед за ней статьями Владимира Малахова «Национализм в современной России: идеология, протагонисты, отношения с властью», Олега Аронсона «Этничность: этическая мифология» или выделенная в отдельную рубрику «Дискурс-анализ национализма» статья Янниса Ставракакиса и Никоса Крисолораса «(Я не могу не получить) свое наслаждение: лакановская теория и анализ национализма»), была включена в номер как статья о дискурсах национализма, а не о гендерных дискурсах. Хотя, на мой взгляд, «гендерированность» затронутых Валерием Тишковым тем и вопросов разнообразна и интересна. Именно темам и вопросам, на которые не обратил внимания сам автор, хотела бы обратить внимание я в своем полемическом ответе на данную статью.

Вначале – немного об актуализированных статьей гендерных темах. Это, на мой взгляд, и оксюморонная тема телесности голода¹ и тема гендерных стратегий выживания,² и тема гендерных особенностей смены фамилий и национальностей, учитывающая традиционную для украинцев патрилинеальность этого процесса и множество других важных и неисследованных тем.

Но не отсутствие в статье ожидаемой гендерной проблематики было побудительным мотивом откликнуться именно на данную публикацию. Моим первым возмущением стал способ проведения автором своего субъективного мнения в маркированные в качестве научных версии, оценки и даже вердикты, что явно, на мой взгляд, диссонирует с высоким уровнем большинства публикаций *ГИ* и не отвечает ценностям толерантности, гуманизма, исследовательской щепетильности, лежащих в основе и журнала *ГИ*, и самих гендерных исследований как академической дисциплины.

На момент выхода из печати данной публикации пришелся еще один – на этот раз сугубо политический – информационный повод акцентировать важность корректного обращения с цифрами и фактами. Вспомним его: в беседе с американским президентом Бараком Обамой российский Премьер-министр Владимир Путин сообщил, что в Украине проживают 17 миллионов этнических русских. Украинские дипломаты решили поправить российского премьера – 17 процентов от всего населения страны, а не 17 миллионов. Более того, подавляющее большинство из них – граждане Украины. Кроме того, в украинском МИДе заявили: «Такие постоянные «ошибки» российского руководства в оценке этнической ситуации в Украине являются попыткой дезинформировать общественное мировое мнение и заявить о якобы особом праве России вмешиваться во внутренние дела Украины».³

Говорят, слово не воробей, вылетит – не поймаешь. Так нередко действуют политики. Но, оказывается, не только они.

Уважаемый ученый Валерий Тишков стремится поставить под сомнение Голодомор 1932-33 гг. в Украине. Автор статьи, директор Института антропологии и этнографии РАН, академик РАН пишет следующее: «а некоторые историко-демографические штудии вообще ведут к грандиозным фальсификациям с масштабными политико-идеологическими последствиями. К таковым можно отнести исследования о массовом голоде *на* (здесь и дальше выделено курсивом мною – Л.М.) Украине, которые ныне *вылились* в президентские указы, международные резолюции и *межгосударственные репарационные требования*» [200]. И дальше конкретно о теме Голодомора 1932-33 гг. в современной Украине: «организация голода интерпретируется как намеренная акция «русского государства» против украинского народа» [201].

Попробовала выяснить, на чем же базируются такие громкие заявления, помещенные в научной статье. Но ни в указах президента Украины, ни в документах МИДа Украины я не нашла *ни одной* подтверждающей цитаты о репарационных требованиях или обвинений РФ, россиян или же русского народа. Кроме того, хочу напомнить, что западными историками еще в прошлом веке тщательно изучались причины и последствия Голодомора в Украине (Дж. Мейс, Р. Конквест, Н. Верт); при участии МИДа Украины на 15-том заседании Совета министров ОБСЕ было предложено принять Совместное заявление «О 75-той годовщине Голодомора в Украине 1932-33 годов» (<http://www.mfa.gov.ua/mfa/ua/publication/content/15505.htm>); недавно было принято решение Европарламента по этому вопросу, осуждающее попираание прав человека и политику тоталитарного сталинского режима. Но опять же, ни о каких, упомянутых в статье В. Тишкова репарациях и обвинениях в этих исследованиях или документах речь не идет. Тогда какими неназванными словами неназванных людей вызван этот тон в адрес государства Украины и всей международной общественности? На чём основана позиция автора?

Доказывая свою позицию по поводу Голодомора – которая обозначается понятиями «конструирование голодомора» (*ГИ*, № 18, 2008, с. 201), «мифической демографией голодомора» (*ГИ*, № 18, 2008, с. 207), ироническим закавычиванием самого феномена (*ГИ*, № 18, 2008, см. заглавие, с. 209) – Валерий Тишков, казалось, должен был бы идти принятым в академическом сообществе путем. То есть путем обсуждения сотен официальных документов (распоряжений правительства и отчетов исполнительных органов на местах), фотоматериалов, публикаций из прессы того времени, свидетельств устной истории, ставших достоянием научной и широкой общественности в последние годы.⁴ Но в тексте данной статьи следов такой работы нет.

Более того, возникает сомнение, знаком ли автор хотя бы с частью этих документов. Упомянув в списке литературы (но нигде в тексте) лишь одну из десятков книг и сборников документов по теме Голодомора: «См., напр.: *Голод 1932-33 гг. в Украине: причины и последствия*, под ред. В.А.Смолий (Киев, 2003) (на укр.яз.)» (*ГИ*, № 18, 2008, с. 209), – Валерий Тишков заявляет, что «*националистическое крыло украинских политиков* с опорой на данные историков, включая материалы переписей населения, *ставит вопрос* об ответственности России за геноцид украинцев и о необходимости выплаты репараций». То есть известный российский ученый полемизирует не с коллегами-учеными, а выстраивает себе оппонентов, опираясь на неизвестные послы неизвестных политиков (к сожалению, никаких цитат или сносок для их определения и проверки наличия в статье нет). Кроме того, автор *ни разу* не излагает собственно позиции украинских или же зарубежных историков, демографов, этнографов, других специалистов, занимающихся темой Голодомора, и не обращается к сути изложенных в их научных трудах и архивных документах аргументам и фактам.

Вместо этого, Валерий Тишков выдвигает свою версию резкого убийства украинцев в 1932-1933 годы. Как и любая другая попытка возвращения к украинской истории, эта также может представлять интерес как дополнение к картине происходящего, позволяя раскрыть ее новые страницы. Однако, насколько эти «штрихи к картине» могут претендовать на роль ключевых, то есть действительно объясняющих события тех трагических страниц эпохи нашей истории, – это вопрос!

Идея В.Тишкова подкупающе проста: украинцы, как и представители некоторых других национальностей, попросту массово «переписались» в русских.

Конечно, хорошо, что автор ещё раз напомнил читателям о масштабной политике русификации, начавшейся после кратковременной коренизации (в Украине, соответственно, «украинизации») и продолжавшейся всё 20 столетие. Хотя в научной литературе данная тема достаточно изучена и хорошо известна украинским ученым (и не только им), тем не менее, она не утратила своей актуальности: её последствия чувствительны и поныне, она действительно является важной для более глубокого изучения.⁵

Однако найдя «зацепку» в самом процессе русификации, В. Тишков решил им всё и объяснить, при этом необъяснимо мультиплицировав порядки чисел, чтобы они были сопоставимы с масштабами следствия в выстроенной им логической цепочке: другими словами, превратил тысячи в миллионы! По мнению В. Тишкова, в процессе советской русификации, «Именно в эти годы сотни *тысяч белорусов и миллионы украинцев*, особенно потомки смешанных браков, выбирали *однозначно* русскую национальность» (ГИ, № 18, 2008, с. 204). Как подтверждение своих слов автор пишет об исследовании Л. Чижиковой (но, опять-таки, без ссылок и библиографии); кроме того, описывает случай ассимиляции семьи Ирины Молодиковой на Северном Кавказе (раньше их фамилия звучала как Молодык) и, наконец, замечает: «аналогичные факты имеются в *большом количестве*» (ГИ, № 18, 2008, с. 205). Но не объясняет, каким образом этих, пускай и не единичных, воспоминаний вполне могло бы хватить для объяснения миллионных потерь украинцев!

Играла ли определяющую роль национальная ассимиляция в рассматриваемой теме? «Смена национальной идентификации всегда играет *определённую роль* в системе выживания населения в кризисные времена. Своего рода национальная мимикрия. Но к голоду в Украине это никак не относиться. Для Российской империи и СССР изменение самоидентификации украинцев и русских было типичным. Украинцы в имперской России старались быть «русскими» на Кубани, в Ставропольском крае. Определялось это не желанием быть «русским», а желанием быть «казакom», новым тогда нарождающемся сословию в царской России.⁶ Во время Второй мировой войны русские военнопленные назывались «украинцами», так как для них это был шанс на освобождение из лагеря, или «казаками». «Казакom» гитлеровцы считали яркими противниками советской власти, поэтому часто отпускали домой или предлагали вступать в восточные батальоны вермахта.⁷ Научных исследований о смене национальной идентификации в те трудные времена сейчас достаточно.

На этом фоне данная публикация вызывает множество критических замечаний и демонстрирует недостаточную компетентность автора (отсутствие научного анализа первичного материала, всестороннего изучения историографии) в затронутых им вопросах. Стремление освещать научные вопросы глобально, не прибегая к многотомным архивам документов о массовых голодных смертях и свидетельствах выживших, привели к ошибочным научным выводам, множеству нестыковок в ходе рассуждений ученого.

Например, следует поправить автора, что русификация в тридцатые годы только начинала разворачиваться и не могла быть ещё такой массовой, как это предлагает понимать цитируемый текст. Наоборот, в это время как раз статистически проявились последствия украинизации, прекратившейся с назначением в январе 1933 года на должность генерального секретаря ЦК КП(б)У П. Постышева.

Да и количество смешанных браков было скромней описываемых масштабов: до середины 20 века они вообще не фиксировались переписью, а их оценка даже в послевоенные годы исчислялась тысячами, но никак не миллионами. По данным переписи 1959 года количество межнациональных браков составляло лишь 10,2%, хотя как раз в это время политика русификации набирала все большие обороты. Но и в годы «развитой интернационализации» доля межнациональных семей не превышала 15% (по данным переписи за 1979 г.) (А. Сусоколов, *Межнациональные браки в СССР* (М., 1987) с. 40). Тем более для села – а именно украинское село было целью политики, приведшей к Голодомору 1932-33 годов – смешанные браки были наименее характерны. Их количество по переписям 1959, 1970 и 1979 годов в сельской местности УССР было, соответственно, следующим – 58, 78 и 93 тысяч таких браков, что в 5, 4 и 3 раза меньше этих же показателей для городского населения.

Весьма странно, что В. Тишков ни разу не упоминает о специфике сельского населения Украины по сравнению с городским, а также не приводит отдельно показатели динамики по этим категориям. Словно не значимы были различия села и города в вопросах миграции, этносоостава, эндогамности или же в типе воспроизводства для начала прошлого века!

В то же время, после десятилетия военных действий – Первой мировой войны, национальной революции и большевистской оккупации – население Украины могло восстановиться в численности и прирастало значительными темпами уже за несколько лет мирной жизни благодаря расширенному типу воспроизводства и налаживанию системы оказания медицинской помощи. В среднем в семье рождалось по 6 детей, что особенно было характерно для украинского села, где брачные круги предписывались из «своих» (сходных по состоянию, вероисповеданию и этнической принадлежности жителей близлежащих сел). А вот переписывание национальности и смена фамилий для села, в отличие от более русифицированного города, как раз не были характерными. Да и миграционные намерения сельчан тогда реализовывались «с трудом» – при выставленных кордонах, чтобы не пустить их, опухших, в город. Замечу, что до шестидесятых годов сельское население в Украине даже не имело паспортов на руках, что также имело целью контроль за их мобильностью.

В качестве главного аргумента В. Тишков оперирует разницей прироста украинцев по национальности в переписях 1926 и 1937 годов, что составляет по приведенной таблице около 5 миллионов. Однако хоть немного искушенному в демографии читателю бросается в глаза выборочность оперирования данными при объяснении этой разницы в сравнении с показателями по другим национальностям. Приведенные в тексте данные переписи, например, отражают значимость расширенного воспроизводства в увеличении численности армян, грузин. Об этом же факторе в отношении украинцев не упоминается, хотя, как уже говорилось, украинское село также имело традиционный тип воспроизводства.

Согласно реконструкции основных параметров демографической динамики Украины 1927–1938 годов по итогам переписей 1926, 1937 и 1939 годов, данным городского учета 1931 года и статистики естественного и механического движения населения, проведенной Институтом демографии и социальных исследований НАН Украины, о катастрофических последствиях Голодомора, прежде всего для украинского села, свидетельствуют многие показатели. Коэффициент смертности городского населения Украины увеличился в 2,3 раза, а сельского населения – в катастрофические 7,4 раза. Продолжительность жизни резко сократилась: «Падение продолжительности жизни сельских мужчин в 1931–1933 годах составляло 35,8 года, а женщин – 37,2 года» (Е. Лібанова, «Катастрофа та її відлуння. Оцінка демографічних втрат України внаслідок Голодомору 1932-1933 років», *Сучасність*, № 11, 2008, с. 29). Чтобы подтвердилась идея В. Тишкова, перебежчиков из «малоросов» (*ГИ*, № 18, 2008, с. 204) в русские за 1926-1937 годы должно было быть не 4,7 млн., а ещё на несколько миллионов больше! Следует учитывать, что для нормального воспроизведения населения достаточно показателя детности 2,3, а при её в дважды большем значении, воспроизводство населения будет пропорционально большим. Теперь, после ознакомления с текстом В. Тишкова, остается только догадываться, где ж находятся эти огромные массы народа? То ли все русские в Украине – это переписанные в 30-тые годы украинцы, то ли в России каждый десятый русский – хорошо замаскированный в те же времена украинец (в таблице ведь не разграничивается территориальное размещение населения определенной национальности)!

С другой стороны – тенденция к смене фамилий, сопровождавшаяся также переходом в православие, была характерна и для евреев, которые проживали преимущественно в городах и намного дальше продвинулись в демографическом переходе к малодетной семье. Следуя тезису автора о миллионных масштабах смены национальной идентичности среди народов СССР, количество евреев должно было бы сократиться больше, чем на 15,3% в многодетных семьях украинцев! Однако данные переписи этого не подтверждают – с 1926 по 1937 годы зафиксирована не убыль, а рост на 2,7% этой группы населения. Та же нестыковка происходит с белорусами, чувашами и другим народами (табл. 1 (*ГИ*, № 18, 2008, с. 203)) – автор признает наличие мощной русификации в этих группах, но не может объяснить итогового их прироста (*ГИ*, № 18, 2008, с. 205).

В. Тишков не первый озадачился попыткой раскрыть глаза украинцам на собственную историю, подобные вопросы задают историкам и журналисты массовых изданий. На такие вопросы отвечал В. Сергийчук, ссылаясь на «вывод Международной комиссии юристов, которую возглавлял шведский профессор, юрист-международник Якоб Сундберг. В 1988 г. комиссия провела основательные исследования, в том числе приняла во внимание анализ переписей населения 1926 и 1939 гг. Численность населения СССР за указанный период возросла на 16%. В то время как жителей РСФСР стало больше на 28%, БССР – на 11%, в

УССР – на 9,9% меньше. Что это означает? Если это был социцид, почему в Беларуси и в России численность населения увеличилась, а в Украине сократилась на десятую часть? В этом весь ответ. Это был геноцид».⁸ Сегодня мы имеем доступ к той «репрессированной переписи», на которую и опирается Валерий Тишков, где показатели убыли населения ещё значительнее.

Поскольку приведенные В. Тишковым таблицы не дают динамику численности национальностей по республикам, а построены «в общем» – по национальностям, делается заявление, что на самом деле убыль украинцев произошла в основном на территории РСФСР, а не в Украине, или же в украинских селах и станицах других республик. «Впечатление такое, – замечает историк-феминистка Оксана Кись, – будто статья подготовлена «на выполнение» пресловутого указа Президента РФ от 19.05.2009 насчет «противодействия попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России». Вот вам и «высокая наука», и «актуальность темы», и дискурс власти».⁹ Ведь, возвращаясь к тематике № 18 журнала *ГИ*, межнациональные конфликты активно используют гендерные системы установления и удержания власти. Учитывая вышеперечисленное, статья В. Тишкова была бы, на мой взгляд, более уместна в предыдущей рубрике журнала «Полемика в дисциплине: национализм, феминизм и постколониальная теория». Особенно ввиду акцентирования автором этнонима «малорос», понятия «стирания» границ республик и прочих факторов.

Пусть исторические расследования и не входят в замысел журнала *ГИ*, но критическая культура журнала требует быть равнодушным. И тут, мне кажется, сложно объяснить помещение в журнале *ГИ* текста с лексикой, мягко говоря, не работающей на «идею дружбы народов». Яркий пример этой лексики продемонстрировали приведенные мной цитаты.

Но есть ещё одно из понятий – «русский голодомор», которое автором употребляется для обозначения динамики числа русских в Украине за предпоследнее десятилетие. Оно словно создано для заголовка массовых изданий. Конечно же, использование таких понятий вызовет последующие опровержения, тщательные контраргументы и пояснения: что имеет место депопуляция, реэтнизация (в русифицированных семьях), миграция или же частичная ассимиляция (в смешанных или этнически русских семьях). Но все эти научные исследования и тексты мало уже кому что-то докажут: спровоцированные данным академическим текстом идеи и домыслы попадут в жаждущие скандалов СМИ и пойдут бродить в умах и мировой паутине!

Говорят, слово не воробей...

1 Которая, например, могла бы продолжить тематический ряд рецензируемого в том же № 18 *ГИ* сборника *В тени тела*, под ред. Н. Нартовой, Е. Омельченко (Ульяновск: Издательство Ульяновского государственного университета, 2008), 208 с.

- 2 Здесь можно упомянуть статью: А. Булгакова «Стан наукової розробки становища жіноцтва України за часів Великого Голодомору 1932–1933 років», *Гілея*, Научный вестник НАН Украины, № 19, 2009.
- 3 <http://podrobnosti.ua/podrobnosti/2009/07/09/614704.html>
- 4 см. Электронный архив Голодомора: объединенный реестр архивных документов – <http://www.archives.gov.ua/Sections/Famine/Publicat/>
- 5 По этому поводу имеется очень любопытный иллюстративный материал – собрание газетных вырезок 1930-х годов Генриха Олешкевича, изданное в наши дни *Пани Какки становится пани Врублевской: ремонт фамилий* (К.: Факт, 2005), 124 с., на укр. языке. Кроме того, вспоминается известная пьеса Микола Кулиша *Мина Мазайло*. Где главные герои: харьковчане отец и сын активно включились в социокультурные преобразования 20-тых годов XX века. Отец пытается облагородить свою фамилию (изменяя её на Мазенин) и избавиться от акцента, как мешающих его карьерному продвижению. А сын, наоборот – в мене фамилии на Мазайло-Квач усиливает её простое происхождение, обучает свою невесту украинскому языку.
- 6 См. подробнее: А. Н. Малукало, *Кубанское казачье войско в 1860-1914 гг.: организация, система управления и функционирования, социально-экономический статус* (Краснодар: Кубанькино, 2003), 216 с. и др..
- 7 См. С. И. Дробязко, *Под знаменем врага. Антисоветские формирования в составе германских вооруженных сил. 1941-1945* (Москва: Эксмо, 2005), с.163.
- 8 <http://2000.net.ua/print?a=%2Fpaper%2F27886>
- 9 См. сообщение от 12 августа 2009 года в дискуссионной рассылке ХЦГИ – kcgsg_discussions@kcgsg.org.ua